

Абстрактное имя и система понятий языковой личности

© кандидат филологических наук Л.О. Чернейко, 1997

Антиномия "абстрактное/конкретное" — одна из основных в философии. В лингвистике она сужается до оппозиций "абстрактное/конкретное" в системе субстантива, "оценочное/дескриптивное" в системе адъектива и "физическое/нефизическое действия" в системе глагола.

Философский энциклопедический словарь (ФЭС) термином "абстрактное" характеризует знание и определяет его как "менее содержательное"¹ в сравнении с конкретным. Специфическая ментальная деятельность, порождающая это знание, обозначена термином "абстракция": 'формирование образов (представлений, понятий, суждений) посредством отвлечения и пополнения' (ФЭС).

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) содержит терминологию иной научной сферы, где термин "абстрактный" сужает экстенционал термина "слово" (или "существительное"): "абстрактные слова, т.е. слова с обобщенным значением", противопоставлены классу слов со значением "предметным, вещественным"². Семантическая общность этих двух дефиниций представлена семами 'отвлечение' и 'обобщение'. При этом словарная статья в ФЭС описывает процесс научного абстрагирования. Если же особенности этого процесса спроецировать на обыденное мышление, то "абстракцию" можно видеть везде, где есть отвлечение свойств, состояний от их носителя или действий от их производителя.

Анализ этих и других научных определений позволяет сформулировать следующие вопросы: 1) результат обобщения явлений действительности представлен только в абстрактном имени (АИ)?; 2) обобщение, отвлечение и абстракция — это один и тот же тип мыслительной деятельности?; 3) есть ли у АИ некий прототип (или, как говорят Локк, Лейбниц, "первоначальный образец") в действительном мире? и 4) какое место занимает понятие, заключенное в абстрактном имени, в системе понятий языковой личности?. Ответы на эти вопросы дают возможность выявить некоторые отличительные черты АИ.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 100.

² Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 258.

1. Всякое имя обобщает явления действительности. "Я не могу иметь непосредственно представления березы вообще, дерева вообще: таких объектов восприятия в природе не существует", писал В. Поржезинский.³ В самом деле, в природе есть только отдельное и единичное, приуроченное к определенному месту и времени, но нет "объекта вообще". Однако эти отсутствующие в физической действительности объекты составляют ткань действительности идеальной. Как отмечал А.Ф. Лосев, "чтобы быть светом так-то и так-то определенным, необходимо быть светом вообще"⁴. А чтобы стать "светом вообще", надо получить имя.

Обобщение дискретных явлений (объектов непосредственного восприятия) в имени, принадлежащем коллективному языковому сознанию, осуществляется путем отвлечения инвариантных свойств этих явлений от их индивидуальных особенностей. Имя, сопрягаемое с чувственными или/и логическими инвариантными свойствами предметов, и является именем их класса. "Предмет восприятия" (действительный и материальный) становится "предметом мысли" (действительным и идеальным), когда ему поставлено в соответствие слово, поскольку в сознании нет "не получивших названия понятий"⁵. Имя "поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание"⁶, т.е. переводит его из пространства физического в ментальное.

В индивидуальном ментальном пространстве имя (например, *береза*) сопрягается с тем чувственным представлением (образом), которое оставляет в памяти опыт отдельной личности и которое является результатом "формального созерцания", как определил этот вид деятельности разума И. Кант⁷. Образы разных, но однопорядковых элементов индивидуального опыта собираются в пучок именем и составляют его парадигму в системе идиолекта (ср.: "экстенционалы наших имен зависят от реальной природы тех вещей, которые для них выступают в роли парадигмы"⁸). Что же касается надывидуальной системы, то инварианты индивидуальных парадигм являются в ней вариантами одноименной парадигмы, но уже коллективного языкового сознания, инвариант кото-

³ Поржезинский В. Введение в языковедение. М., 1910. С. 107.

⁴ Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. М., 1993. С. 653.

⁵ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1970. С. 92.

⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 817.

⁷ Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993. С. 57.

⁸ Патнем Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 13. М., 1982. С. 390.

рой и обеспечивает его целостность и возможность взаимопонимания членов социума. Сказанное характеризует имена с “отражательной” семантикой, т.е. конкретные имена базового уровня лексикона⁹, прототип (инвариантный образ) которых существует в сознании всех представителей данной культуры в виде эталонного наглядного образца.

Процесс обобщения разумом единичных материальных явлений на основе редукции их свойств (предметы, вещи “убывают” в понятие) осуществляется в именах конкретных, ментальная особенность которых состоит в том, что все они результат **простого** обобщения — интеграции логически (или мифологически) гомогенных физических тел. Геометрической моделью такого обобщения может быть вертикальный вектор “вверх” с расщепленным основанием, соответствующим бесконечному количеству образов телесных вещей в индивидуальной памяти.

В системе родо-видовых отношений конкретные имена могут рассматриваться как гипонимы¹⁰ — формы стихийной категоризации физического мира. В этом случае разум обеспечивает рассудку возможность различения вещей, что и составляет основу “способности суждения”¹¹.

Обобщаются и отдельные свойства реальных, физических предметов: статические — в дескриптивных прилагательных, динамические — в дескриптивных (описательных) глаголах, или глаголах физического действия. Обобщение такого рода дает нам тоже конкретные имена, но это имена признаков, а не предметов.

Термин “конкретное имя” закреплен традицией за субстантивами. Различие между конкретными именами в узком смысле слова (субстантивами) и конкретными именами признаков состоит в направлении движения обобщающей мысли: субстантив собирает в пучок лингвистически релевантных признаков имени (интенционал) свойства предметов, тогда как признак собирает в пучок предметы — носители этих свойств.

Имя *камень*, определяемое терминологически как ‘естественное неорганическое образование кристаллической структуры’, в наивном сознании обозначает класс предметов, имеющих следующие лингвистически релевантные свойства: ‘твердый’ (*как камень*) / ‘мягкий’ (*как воск*) — ‘плотность’; ‘тяжелый’ (*как камень*) / ‘легкий’ (*как пух*) — ‘вес’. Эти два свойства имеют статус семантических, поскольку они парадигмати-

⁹ См.: *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // НЗЛ. Вып. X. М., 1981. С. 357.

* Категоризация классов и возникающие при этом сложности в виде “прототипических эффектов” нами не рассматриваются.

¹⁰ См.: *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 478.

¹¹ См.: *Локк.* Сочинения. Т. 1. М., 1985. С.205.

чески значимы. Другие свойства денотата выступают как прагматические, коннотативные, например, температура: *холодный, как камень* — или неподвижность: *лежит, как камень, лежащий камень*.

Прилагательное *тяжелый* собирает в пучок такое количество явлений, что перечислить их имена невозможно: тяжелое все, что имеет вес, который говорящий оценивает как превышающий некоторую норму, задаваемую классом (тяжелая ветка легче легкого бревна). Что же касается прилагательного *твердый*, то обозначаемое им чувственно воспринимаемое свойство принадлежит меньшему классу явлений, но все равно не одному, как, например, в случае с прилагательным *проливной*: *твердый* — древесина, грунт, яблоко, карандаш. В этом дескриптивном прилагательном произошло отделение свойства от носителей (горизонтальный вектор “слева направо”) и его обобщение. Это единственный логический путь возникновения “свойства вообще”. Но, отделяясь от материальных носителей, оно не становится отвлеченным, так как в высказывании не может стать самостоятельным предметом мысли. В виде прилагательного оно должно вернуться “владельцу”.

Как следует из сказанного, ни “обобщенность значения” в противовес его “предметности” (ЛЭС), ни “отвлеченность” от индивидуальных, несущественных особенностей явления как условие формирования логических образов бытия (ФЭС) не определяют специфики “абстрактности” вообще и абстрактного имени в частности, ибо всякая “предметность” есть результат обобщения, иначе язык не имел бы имен нарицательных (общих), т.е. не был бы языком, а “посредством отвлечения” формируются не только логические образы действительности (понятия, суждения), но, что лингвистически более важно, и параметры этих логических образов, обязательные составляющие суждений (и, эксплицитно, понятий) — предикаты.

2. Традиционная дублетность терминов “абстрактный” — “отвлеченный” требует к себе особого внимания. Латинский глагол *abs-trahō, -ī, -ctum, -ere* многозначный. Его русский эквивалент “отвлекать, отвлечение” соответствует лишь одному из его значений. Так уж повелось в лексикографической практике, отражающей состояние научной мысли на определенном этапе ее развития, — не вдаваться в семантические подробности этих двух единиц метаязыка, не вникать в понятия. Не вникают ни философские словари, ни лингвистические, ни энциклопедические.

К рассмотрению латинского глагола побуждает нас вернуться не столько любовь к этимологии, сколько сложившаяся практика объеди-

нения под одним термином "абстрактное имя" таких слов, как *белизна, пенie*, с одной стороны, и *власть, жизнь, пространство, время, интеллект*, с другой. Против их объединения есть возражение, поскольку они являются результатом разных типов ментальной деятельности.

В первом случае мы действительно имеем дело с отвлечением, т.е. с возведением признакового слова в такую форму, которая позволяет ему занять в предложении позицию субъекта, а не предиката и делает вовсе не обязательной его связь с именем того предмета, который входит в экстенционал прилагательного *белый* или глагола *петь* (*белизна снега, пенie птиц*). Свойство освобождается от его носителя, а действие от его исполнителя. Отвлеченные имена подобного рода остаются синтаксическими дериватами соответствующих производящих и в тексте используются, как правило, в составе именной группы при повторной номинации: анафорически или дейктически¹².

Отвлеченные имена — результат не только отделения акциденции от субстанции (*белизны* от сахара, снега), но и оформление этих акциденций как субстантивов, что ставит их формально в один ряд с субстантивами, но содержательно, семиотически они остаются признаками — свойствами и действиями. Отвлечение признака, т.е. обретение им грамматической самостоятельности и относительной независимости в предложении, можно мыслить в горизонтальной плоскости как его отрыв от соседа справа (для прилагательного) и от соседа слева (для глагола). Отвлеченное имя сохраняет свободную валентность на замещение субъектной (а для отглагольного имени — и объектной¹³) позиции, обеспечивающей ему конкретно-референтное употребление: *пенie Пети; Белизна снега ослепляла* (этого снега). Таким образом, отвлеченные субстантивы — это отадъективные и отглагольные синтаксические дериваты, сохраняющие семантику производящих.

3. Абстрактное имя отличается от отвлеченного. Именно абстрактное имя, а не отвлеченное, трудно определимо, именно за ним стоят "идеи сложных модусов"¹⁴. В чем же сложность АИ и с чем связана трудность его определения? Ответ на этот вопрос тесно связан с ответом на уже поставленные вначале: "Отражает ли стоящий за АИ прототип

¹² См.: *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985. С. 165.

¹³ См.: *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986. С. 60-61.

¹⁴ *Лейбниц.* Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 216.

материальную действительность (или он не более чем символическая фикция)?” и “Денотативно ли АИ”?

В истории науки отрицательные ответы на эти вопросы сформировали особое направление, известное под названием "номинализм", приписывающее статус действительного существования только единичному и отдельному, т.е. чувственно воспринимаемым физическим телам. Но с этой точки зрения невозможно разграничить “конкретное” и “абстрактное”, поскольку, как уже было сказано, за нарицательным конкретным именем стоит общее понятие, а не единичная вещь. Антиноминалистские воззрения присущи Лейбницу, полагавшему, что "справедливость... так же содержится в действиях, как прямота и кривизна в движении, независимо от того, обращают ли на нее внимание или нет"¹⁵. Три века спустя сходную мысль высказал Б. Рассел: "Предположение, что пространство и время существуют только в моем уме, меня душило: я любил звездное небо даже больше, чем моральный закон, и Кантовы взгляды, по которым выходило, что моя любовь лишь субъективная фикция, были для меня невыносимы"¹⁶.

Известно, что Ч. Моррис обосновал введение термина "десигнат" наряду с термином "денотат". Это разделение представляется актуальным именно для АИ: "Десигнат — это не вещь, но род объекта или класс объектов. Если десигнат есть у каждого знака, то не у каждого есть денотат"¹⁷. С этой точки зрения, за АИ стоит особый “род объекта”, и постольку есть десигнат (означаемое, определяющее зону референции знака). Кроме того, как отмечал Моррис, бессмысленно говорить о денотатах и десигнатах вне семиозиса, т.е. о-знач(/к)-ивания, а знак отсылает к тому, что вне его.

Что же касается денотата, то и он присущ абстрактному имени, но “вынесен за скобки” знака, содержание которого сигнификативно, т.е. соотносится с классом явлений (денотатом) как все предикативные (характеризующие, а не идентифицирующие¹⁸) знаки. Например, денотатом предикатного имени *мысль* является класс предметов, “объект особого рода”, имя которому *человек*. Однако в языке предикаты подобного рода ведут себя как самостоятельные сущности, обрстая вторичными предикативными

¹⁵ Там же. С. 306.

¹⁶ Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия. М., 1993. С. 17.

¹⁷ Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семиотика. 1983. С.41.

¹⁸ См.: Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

катами, которые высвечивают восприятие этих “бестелесных вещей” (термин Декарта, Лейбница) логической и мифологической частями сознания.

Ч. Филлмор считает, что абстракции — это и не имена вещей и не простые предикации (отвлеченные имена), а “имена сложных ситуаций”¹⁹. Что за этим стоит? По крайней мере, признание того, что в мире вещей абстрактному имени соответствует определенное положение дел. В чем особенность ситуации?

Имена ситуаций действительно обладают известной сложностью, проистекающей из “сложенности”, соединения в одном пространстве таксономически разнородных вещей. Метонимический способ объединения компонентов ситуации и состоит в том, что общим у этих разнородных элементов оказывается чисто внешнее для них свойство — общность пространства. Имя ситуации будет ассоциироваться в сознании разных людей с разными ее компонентами, вызывая разные представления. Однако не все имена ситуаций могут быть безоговорочно отнесены к абстрактным или, лучше сказать, все они по-разному расположены на шкале абстрактности, занимая разные ее ступени. Так, имя *свадьба* будет менее абстрактным, чем *процессия*, а последнее — менее абстрактным, чем *мероприятие*. Причина в том, что одни ситуации выделяются именем в класс на основе эмпирически воспринимаемых признаков, которые оседают в памяти в виде идей “ясных”, обуславливающих наглядность понятия, и “отчетливых”, доступных логическому представлению, другие же постигаются только умом и не имеют явной чувственной опоры, если только их имена не утратили внутренней формы.

По мнению Локка, имена сложных и смешанных модусов (*лицемерие, ложь*), а также имена собирательных идей субстанций (*мир, вселенная*) (а это и есть абстрактные имена) возникают как результат свободного соединения разумом в одну идею вещей, ничем в физическом мире не связанных: “они как бы возникли и ведут постоянное существование больше в человеческих мыслях, нежели в действительности вещей”²⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные фрагменты прототипа абстрактной идеи могут иметь независимое от сознания бытие, однако идея в целом есть результат отношения разума к физическим вещам, та мера, которую вырабатывает данная культура и которую прикладывает к миру.

¹⁹ Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. // НЗЛ. Вып. 12. М., 1983. С. 119.

²⁰ Локк. Указ. соч. С. 339.

Кстати сказать, само слово *мир* в одном из своих значений, актуализированных в минимальном контексте *Его мир*, противопоставлено слову *среда*. Сравнение контекстов *У него свой мир, у меня свой.., Я в его мир не стремлюсь попасть.* и *Среда оказывает влияние на личность, но лишь отчасти формирует ее мир.* позволяет сформулировать семантическое различие между ними и определить *среду* как 'контекст личности, то социальное окружение, в котором она оказалась в силу обстоятельств', а *мир* как 'материализацию, воплощение потребностей и интересов личности', из чего вытекает, в частности, что мир — это закономерное продолжение личности в других (людях) или в другом (деле и геср. в людях).

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона слово *честь* ("воинская честь" — автор проф. Кузмин-Караваев) считается трудно определимым ("трудно поддающееся формулировке", в этом наречии — характеристика интеллектуального состояния субъекта). Вещь, стоящая за этим словом, описывается как необходимое "условие быта военных", как "всеми осознаваемая, сущность которой почти не улавливается".

Заметим, что в отношении естественных объектов, имена которых входят в класс конкретных субстантивов, вопрос об их сущности не ставится, поскольку сущность как внутреннее содержание явления у них отсутствует. Их сущность в том, что они "суть", существуют, т.е. в их экзистенциальности. Экзистенциальные формы растительного и животного мира представлены бесконечно разнообразно, и это разнообразие схвачено гипонимами, представляющими собой семантические вариации гиперонимов. Имя гиперонима в дефиниции гипонима раскрывает его принадлежность к той или иной таксономической категории, например, *река, озеро, ручей* — водоем. Эта отнесенность обнаруживает инвариантное содержание имен и только косвенно — сущность стоящих за ними объектов, при условии, что понятие "сущность" рассматривается как категория гносеологическая, а не онтологическая.

Что касается артефактов, то их сущность сводится к их функции, и внутреннее содержание имени созданной человеком вещи обнаруживается в раскрытии функции этой вещи (*мост* — сооружение для перехода, переезда через реку, овраг).

Совершенно иное дело сущность явления, выделенного языковым сознанием из человеческой жизни именем *честь* и подобными. Они тоже артефакты, но артефакты духовной культуры (если термин "культура" понимать широко), т.е. такой информации об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в символах. Явления, стоящие за этими

именами, принадлежат иному уровню реальности, чем те, которые стоят за именами конкретными. И именно они в силу особенностей этой реальности принимают вопрос, направленный на выявление их сущности ("чтойности": "Что такое честь?"), метафизический вопрос — лакмусовую бумажку всех абстрактных имен.

Адекватное для данного уровня познания раскрытие в определении слова того, что им обозначается (идея), есть приближение к сущности "бестелесной вещи", преломление ее, но никогда отражение. При этом термин "сущность" употребляется в отношении явления, в то время, как термин "идея" — в отношении имени. Это относится в первую очередь к научному познанию в форме дискурсивного мышления. В индивидуальном обыденном сознании абстрактная идея, если она есть, существует в ее проекции на формы чувственного опыта (ср.: *Тебя против меня настроили. — Никто меня не настраивал. Я, между прочим, не балалайка.* к/ф "День за днем").

Из наблюдаемых явлений и отношений языковое сознание бессознательно, стихийно складывает ненаблюдаемые идеи, стоящие за абстрактным именем: *остракизм* у греков — слово, для которого, писал Лейбниц, "в других языках нет равнозначущих терминов"²¹. Из наблюдаемых отношений сложили греки это понятие. Наблюдение лежит в основе его усвоения личностью, только уже наблюдение и над жизнью людей, и над жизнью слов. На дедуктивный характер идеи сложного модуса обращал внимание Б. Рассел: "с помощью умственного телескопа возможен поиск сущности, которая имеет выводной характер"²². Абстрактное имя — результат не отвлечения (горизонтального отделения свойства от носителя свойства, как в деадъективах и девербативах), а, скорее, извлечения (экстракции) свойств из явлений и их комбинирования вне зависимости от того, соединены ли они так в природе.

Помимо произвольных комбинаций свойств вещей разум может вносить в абстрактное имя идею должного (идеала, стандарта, образца), пространство существования которой — сам разум, сознание. От простого обобщения, производящего конкретное имя, обобщение, рождающее имя абстрактное, отличается качественно — привнесением в это обобщение креативного начала, раскрывающегося как точка зрения на мир: рациональная и эмоционально-оценочная, этическая и эстетическая. Пространственной моделью данного вида ментальной деятельности может служить вертикаль, но с двумя встречающимися векторами:

²¹ Лейбниц. Указ. соч. С. 216.

²² Рассел Б. Указ. соч. С. 24.

“снизу вверх” — индукция и “сверху вниз” — дедукция. Выводной характер семантики АИ дает возможность квалифицировать его как результат **индуктивно-дедуктивной** ментальной деятельности. АИ — это особая категория субстантивов, отличная и от имен конкретных, что вполне очевидно, и от имен отвлеченных, что менее очевидно.

АИ — результат длительного наблюдения коллективного разума этноса за связями и отношениями (а они не видимы, а чувствуемы, интуитивно постигаемы) предметов, имеющих статус действительного существования в физическом пространстве (реальных материальных предметов). Большую группу АИ составляют так называемые “эмоциональные концепты”²³, имена эмоциональных (шире — психических) состояний, особенность которых состоит в их физической, психосоматической реальности, но недоступности прямому наблюдению, что обуславливает их семантико-прагматическую специфику.

Семантическая особенность АИ и самых сложных из них этических имен состоит, таким образом, в том, что прототип АИ — это модель, в которой склеились и элементы реальной (что есть) и идеальной (что должно быть в соответствии с представлением этноса об идеале) действительностей. Поэтому прототип не имеет независимого от сознания человека бытия. Независимо от сознания отдельного человека, отдельной языковой личности существует только акустический образ имени (“звон”, “звучание”) и ассоциативно с ним связанный семантический инвариант, обеспечивающий понимание абстрактного имени и возможность его употребления. Однако этот инвариант значительно меньше вариативной части, производной от индивидуального опыта личности, в частности опыта лингво-философского.

4. Прима́т языка над идиолектом состоит в том, что слова и их смыслы существуют в культуре этноса независимо от того, владеет ли ими отдельный субъект. Как наше незнание ничего не изменяет в природе, так невладение содержанием АИ ничего не меняет в языке этноса до поры до времени, зато меняет в структуре сознания индивида, а если индивидов с лакунами в сознании много, то может что-то поменяться и в культуре этноса, поскольку “характер соткан из истории и традиции” (П. Чаадаев).

Акустический образ АИ узнают раньше, чем его содержание (если он на слуху, витает в воздухе). Неразрывное единство означаемого и означающего подвергают сомнению постструктуралисты: “означаемое

²³ См.: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

отстоит от означающего на одно дыхание" (Ж. Деррида). Что касается рассматриваемых АИ, то расстояние между означаемым и означающим может быть длиною в жизнь. Именно к абстрактным именам имеет прямое отношение следующее замечание Лейбница: "слово показывает, что данная идея заслуживает быть отмеченной"²⁴.

АИ — это диалоговые слова. Поисковые вопросы о сущности явления, его "чтойности" относятся только к именам этого типа: "Что такое жизнь, слава...?" "Какой смысл вы вкладываете в слово *нравственность*?" — таких контекстов очень много. Было бы странно применять эти вопросы по отношению к каким-либо другим именам. Вряд ли возможен диалог о сущности "колеса" (герои Гоголя выясняют только его возможности). Хемницер в басне "Метафизический ученик" высмеивает его вопрос о "чтойности" веревки.

Бытие АИ в сознании отдельной языковой личности определяется степенью проникновения личностью в содержание имени, степенью его освоения. Пословица "Слышал звон, да не знает где он" может расшифровываться чисто лингвистически, характеризуя такую степень усвоения АИ, которая является поверхностной и указывает на отсутствие его освоения.

В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделил 3 уровня ее организации²⁵. Представляется, что на нулевом уровне нет языковой личности, есть только говорящий ("Ваше!"). О нейтрализации языковой личности можно говорить разве что в случае обнаружения единомыслия, а не в случае отсутствия мысли. Только личностный смысл как единица динамичной структуры — сознания — делает человека личностью. Постигается смысл экзистенциально значимых имен, таких, как *жизнь, смерть, совесть, счастье, пространство, время*. Интуитивное понимание представляется недостаточным и личность делает попытку дискурсивного освоения этих понятий, раскрытия их смысла, каким он ей представляется. Такое сложное понятие, как *счастье*, словарный инвариант которого 'чувство и состояние полного удовлетворения', в системе идиолекта может быть связано с ментальным состоянием знания: *Если он знает, что это — счастье, то это — счастье* (Б. Ахмадулина. АиФ № 15 / 97); *Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив... Кто узнает, тот сейчас станет счастлив* (слова Кириллова в "Бесах" Ф.М. Достоевского). То, что "знает" язык об абстрактной сущности, представлено в сочетании ее имени с предиката-

²⁴ Лейбниц. Указ. соч. С. 306.

²⁵ См.: Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

ми физического действия и дескриптивными прилагательными²⁶, что важно для моделирования фрагментов картины мира, хранящейся в надындивидуальном языковом сознании и выступающей фоном, на котором раскрывается индивидуальное видение мира.

Обретение смысла рассмотренных АИ осуществляется в диалоге личности с культурой (размышление) и с другими личностями (интеллектуальное общение), что и составляет дискурс. Осваивая АИ (а это бесконечный процесс), личность устраняет его семантическую неопределенность, что прямо ведет к умножению сущностей. Может быть, только в науке это умножение без надобности. Язык — не телеология. Все, что есть в языке, — достояние социума и может стать достоянием индивида, если этот индивид — личность, т.е. осознает свою причастность к культуре народа, осознает себя его частью. Абстрактные имена по структуре своей и по статусу своему делают (обеспечивают) эту причастность. Они мост между личностью и обществом.

²⁶ См. подробнее: *Чернейко Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. № 4, 1995, а также *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. № 6, 1996.